

УДК 821.161.1.09
ББК 84(2Рос=Рус)
Б95

Издание осуществлено в партнерстве с Лекториум «Прямая речь»

Редактор-составитель *Галина Беляева*

Художественное оформление *Владимира Мачинского*

В основу книги легли стенограммы лекций Дмитрия Быкова, созданных специально для Лектория «Прямая речь». «Редакция Елены Шубиной» выражает благодарность Лекторию за предоставленные материалы

Быков, Дмитрий Львович.

Б95 Русская литература : страсть и власть / Дмитрий Быков. — Москва : Издательство АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2019. — 573, [3] с. — (Прямая речь).

ISBN 978-5-17-117669-3

В Лектории «Прямая речь» каждый день выступают выдающиеся ученые, писатели, актеры и популяризаторы науки. Их оценки и мнения часто не совпадают с устоявшейся точкой зрения — идеи, мысли и открытия рождаются прямо на глазах слушателей.

Вот уже десять лет визитная карточка «Прямой речи» — лекции Дмитрия Быкова по литературе. Быков привыкает обращаться к знакомым текстам за советом и утешением, искать и находить в них ответы на вызовы нового дня. Его лекции — всегда события. Теперь они есть и в формате книги.

«Русская литература: страсть и власть» — первая книга лекций Дмитрия Быкова. Протопоп Аввакум, Ломоносов, Крылов, Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Некрасов, Тургенев, Гончаров, Толстой, Достоевский...

УДК 821.161.1.09
ББК 84(2Рос=Рус)

ISBN 978-5-17-117669-3

© Лекторий «Прямая речь»
© ООО «Издательство АСТ»

Содержание

.....

Протопоп Аввакум

- «Житие протопопа Аввакума» и древнерусская
литература 9

Михайло Ломоносов

- «Вечернее размышление о Божием
величестве» 22

Иван Крылов

- Сломанные крылья 36

Александр Пушкин

- «Евгений Онегин»: неоконченный роман 49
«Медный всадник» 74
«Пиковая дама» 87
«Капитанская дочка» 97
Завещание Пушкина 112
Пушкин как наш Христос 128

Михаил Лермонтов

- Ангелы и демоны Михаила Лермонтова 146
Три кавказских пленника: Пушкин, Лермонтов,
Толстой 169

Николай Гоголь

- «Тарас Бульба» 185
«Вий» как русская эротическая утопия 193
В поисках второго тома 200

Николай Некрасов

- Воскрешение Некрасова 217

Иван Тургенев

- Самый непрочитанный классик 248
Про что «Муму» 262
«Отцы и дети» 277

Иван Гончаров

- Русский психологический роман 284

Михаил Салтыков-Щедрин

- Самый неприятный человек 303

Федор Достоевский

- «Преступление и наказание» 322
Про что «Братья Карамазовы» 334
Кто убил Федора Палыча? 348
Завещание Достоевского 364

Лев Толстой

- «Война и мир» 378
«Анна Каренина» как политический роман 391

Александр Островский	
«Гроза»	408
Антон Чехов	
Чехов как антидепрессант	420
«Драма на охоте»: главный русский детектив ...	439
Владимир Короленко	
«Дело Бейлиса». Последний акт	456
Максим Горький	
«Жизнь Клим Самгина»	477
Александр Куприн	
Удивительное солнце Куприна	491
Иван Бунин	
«Чистый понедельник»	504
Поэзия в прозе	513
Надежда Тэффи	
Ангел русской литературы	526
Андрей Белый	
«Петербург»	546
Указатель имен	559
Краткий указатель произведений, упомянутых в книге	566

Протопоп Аввакум

.....

«Житие протопопа Аввакума» и древнерусская литература

Два произведения, две исповеди, лежат в основании двух литератур, русской и европейской. В основании европейской — «Исповедь» Блаженного Августина, из которой выросли все великие романы Франции, Германии, Англии, да и Америки тоже. А вот в основании русской литературы, ее матрице, заложена исповедь протопопа Аввакума, первый русский роман. Причем роман автобиографический, довольно страшный. Один из величайших вообще текстов в русской литературе. Текст, с которого все началось. До сих пор вся русская проза развивается по этой матрице.

Но прежде поговорим об обстановке, в коей этот феномен появился.

Это время царствования второго Романова — царя Алексея Михайловича по прозванию Тишайший. Тогда и произошло деление русской церкви, деление во многих отношениях роковое, на никонианство и старообрядчество.

Никон, игумен Кожеостровского монастыря, был много старше Алексея Михайловича, сумел ему понравиться, был им приближен, а в 1652 году сделался патриархом. У нового патриарха была своя точка зрения на русскую историю, на предназначение русского православия.

В то же время в 1654 году произошло еще одно важное для государства событие — Переяславская рада. Присоединение Украины к Русскому царству. Малороссии, условно говоря.

В Украине богослужение проводилось по греческим образцам, по греческим книгам, а в Московии — по византийским. И для того, чтобы обеспечить единство, чтобы привести богослужebные книги к единому образцу, задумано было произвести их новый перевод. Этот новый перевод внес в русские православные обряды довольно радикальные поправки.

Представьте себе, пусть даже абстрактно, что вы абсолютно верите в существование Бога, что вы находитесь в постоянном диалоге с ним, что от того, как именно вы молитесь, от обряда, от ритуала, от постных дней, — от всего этого зависит непосредственно ваша жизнь. Раскол произошел не только из-за того, двоеперстием или троеперстием надо креститься, это огромная культурная драма — полная перемена обряда. И люди идут на смерть, и смерть иногда мучительную, ради этих, казалось бы, мелочей богослужения. Раскол и есть религиозная война, и трудно представить, до какой степени тогда доходило взаимное ожесточение.

Старообрядцы объявили Никона антихристом, никониане старообрядцев — еретиками. После Никона церковь стала в некотором смысле государственной. Появилась государственная вера. А старообрядчество оста-

лось народной верой. И Аввакум, который одно время был другом и соратником Никона, входил в его круг «ревнителей благочестия», сам говорил о необходимости реформ в русской церкви (его даже прочили в одного из справщиков, переводчиков с греческого), вот этот Аввакум стал вождем сопротивления реформе. Потому что для него старая вера, старообрядчество — это тот символ, та опора, на которой он стоит. Даже если нововведения по греческим книгам правильные, он все равно считает, что нельзя. Вот в чем еще предмет раскола: нельзя учить народ, как ему верить. Народ уже верит так, и перемучивать его бессмысленно.

В этом случае, конечно, Аввакум выступает против прогресса. Он выступает на стороне самой что ни на есть архаики, самой что ни на есть старины. Но пафос его, его искренность, его отчаяние, его готовность претерпеть за свою веру любые казни и поношения делают его в наших глазах святым. И это ключевой момент в истории Аввакума.

Он, я думаю, был человек совершенно невыносимый. Аввакум Петров, который родился, предположительно, в 1620-м, возможно, в 1621 году и был заживо сожжен в 1682-м в срубе в Пустозерске, а до этого четырнадцать лет просидел в земляной тюрьме, где написал главные свои произведения, еще задолго до русского раскола был известен невероятным рвением в вопросах веры.

В исповеди своей он рассказывает, что отец его тоже был священником и грешил слишком большим пристрастием к хмельному. А мать Аввакума, Мария (в иночестве Марфа), воспитывала детей в послушании, в вере, в смирении.

Сам Аввакум впервые задумался о смерти, когда увидел дохлую лошадь и понял, что он тоже умрет. И такое это произвело на него оглушительное впечатление, что он начал по ночам страстно молиться.

Людям особенного душевного склада присуще чувство беспредельности, неограниченности собственной личности, чувство, что все не может кончиться со смертью. Таким был и Аввакум — тип человека настолько умного, темпераментного, страстного, выносливого, мощного телом и духом, как о нем писали современники, что мысль о своей конечности для него казалась невыносимой.

В семнадцать лет он женился на четырнадцатилетней Настасье Марковне, дочери кузнеца Марко, богатого человека, после смерти которого семья пришла в полное запустение. Настя ходила в церковь всedневно, сама хотела замуж за Аввакума. Он же молился, чтобы Бог дал ему жену-помощницу, жену-соратницу. Прожили они всю жизнь вместе, и она действительно была ему идеальной соратницей. Понимала все лишения, которые он навлек на себя и семью, и благословляла его на эти лишения, на эти подвиги.

Он стал священником в селе Лопатицы и там, в этом селе, быстро восстановил всех против себя: стыдил прихожан, порицал баб за блуд. Хотя и сам был подвержен искушениям. Однажды, когда пришла к нему некая девица и начала каяться во всякого рода разврате, он почувствовал страстное возбуждение, внезапный прилив похоти. Что он сделал? Пишет: «...зажег три свечи и прилепил к налою, и возложил руку правую на пламя, и держал, дондеже во мне угасло злое разжжение», — то есть пока низменные желания не исчезли. Впоследствии

этот эпизод перекочевал в «Отца Сергия» Льва Толстого, где отец Сергей, почувствовав, что его искушает женщина, топором отсек себе два пальца.

Кстати, о пальцах. Один из местных начальников, которого Аввакум обличал, начал с ним драться «и у руки отгрыз персты, яко пес, зубами». Весь рот, пишет Аввакум, кровью наполнился. Потом едва не пристрелил, двор отнял и из дома изгнал «всего ограбя, и на дорогу хлеба не дал».

Били его не раз, а Аввакум все равно выступал сторонником справедливости.

Один из местных начальников у бедной вдовы похитил дочь для блудных своих надобностей. Аввакум пошел его изобличать, за что был страшно избит. Ища спасения, ориентировочно, в 1651 году пришел он в Москву; ему удалось представиться духовнику царя Алексея Михайловича Стефану Вонифатьеву, на которого он произвел самое приятное впечатление; тот отрекомендовал его Алексею Михайловичу, и царь приблизил Аввакума к себе.

После избрания Никона патриархом многие увещивают Аввакума, просят его взять сторону никонианцев. Тот самым радикальным образом отказывается, настаивает: народ должен верить так, как верит. Разрушение этой традиции приведет к разрушению веры.

Какое-то время Алексей Михайлович защищает его от гнева Никона. Потом царю надоедает заступаться за опасного еретика, который возражает против церковной реформы. И Аввакума бросают в подвал Андроникова монастыря, затем отправляют в сибирскую ссылку. Сперва в Тобольск, потом в Енисейск, потом в Забайкалье — в сопровождении нерчинского воеводы Афанасия Паш-

кова. В «Житии», этом гениальном художественном тексте, Аввакум говорит: «Десять лет он меня мучил или я ево — не знаю, Бог разберет». Вот это замечательная фраза! Вот это замечательная такая амбивалентность.

Каков был путь, каковы были тяготы его пути в эту десятилетнюю ссылку, Аввакум описывает с изумительными подробностями, очень непосредственным слогом, слогом абсолютно живого рассказа.

Аввакум дивится Божьим чудесам, но не забывает об ужасах, о страшно суровой зиме, о ледяных урочищах, по которым ему с женой и детьми приходится карабкаться. После ссоры Пашков велел высадить протопопа и его семью с дощаника, на котором тот плыл по Тунгуске, на берег и идти пешком. Аввакум — здоровый, сильный мужчина, а протопопица — женщина слабая, молодая, трижды рожавшая, ей идти очень трудно. Она все время оскользывается, падает. И вот во время одного из таких падений, когда уже не смогла подняться, она спросила: «Долго ли муки сея, протопоп, будет?» На что Аввакум ответил: «Марковна, до самыя смерти». И она сказала знаменитую свою фразу: «Добро, Петрович, ино еще побредем».

Вот это «ино еще побредем» стало девизом русского протеста. Вот это «ино еще побредем» стало девизом всех угнетенных. Такое вечное, упрямое терпение.

Потом вдруг пришла грамота: Аввакуму вернуться в Москву. Путь обратно занял три года. Он вернулся, помирился с царем. Какое-то время молчал. Понял, что молчать не может, начал опять свою проповедь. Самого Никона уже сослали в монастырь, но бороться с никонианством публично никоим образом было нельзя. И в результате как царица ни заступалась за Аввакума, его пред-

ложили расстричь. Не расстригли, он остался в сани, но сослали в Пустозерский монастырь.

Он и в Пустозерске не унимается, продолжает рассылать через тайных людей, через сеть старообрядцев свои письма, книгу бесед, книгу толкований, продолжает настаивать на старообрядческой вере, полемизирует с Никоном. Это все распространяется по стране. Тогда и принимается решение его сжечь. И в июне 1682 года его сжигают в срубе вместе с пятнадцатью единомышленниками.

Вот эта чудовищная жизнь и смерть человека, который погиб, в сущности, за абсолютную условность, не может не вызывать недоумения у человека сегодняшнего. И в то же время «Житие протопопа Аввакума» — небольшая совсем книга, но поразительно мощная — показывает, что человек, который жил за четыреста лет до нас, ментально от нас очень мало отличался. Его сомнения, его человеческая слабость нам очень понятны, мы проецируем его на себя. Мы другого не понимаем: откуда эта безумная вертикаль веры? Откуда в нем такая опора духа? Почему его дух так и не удалось смутить? Но когда мы читаем этот текст — это как инициация — в нас входит страстное желание во что-то так же, как Аввакум, верить до конца. Чему-то так же служить до конца.

Ну и дальше, наверное, надо поговорить о **шести основных составляющих** этого текста, о тех приметах русской литературной матрицы, из которых получился русский психологический роман.

«Исповедь» Блаженного Августина, в особенности книги с седьмой по одиннадцатую, описывает его приход к вере, метафизику времени, замечательные наблюдения над природой мира. Августин понимает веру как